

АХТЫРСКАЯ

Ст-920

А-25

А 957

1946

ЦАРЕУБИЙЦА (СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ)

КОМИССИЕЙ ПО УЧЕБНИКАМ
ПРИ ГЛАВСОДВОСЕ ДОПУЩЕНО
ДЛЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ

Центральная библиотека
Центральный комитет
промышленности

Проверено 1935 г.

ПРОВЕРЕНО
1937 г.

Отпечатано в типографии Госиздата
«Красный пролетарий». Москва,
Краснопролетарская ул., 16,
в количестве 10000 экз.

Главлит № А—58268

Гиз У—17 № 37072

Зак. № 168

3¹/₂ п. л.

★

37261

1957-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

АКДЕМ. НАУК СССР

И. Д. С. П. П. П.

«Великих нет, но дела их живы».

Г Л А В А I.

Дышит над Псковом летний раскаленный день; дрожит и переливается зной. Бьет солнце в окна дома купца Курбатова. Душно, томительно душно в мезонине, но в нижних комнатах прохладно, зелено, как на дне реки. Со стен смотрят, из позолоченных рам, потемневшие лица: улыбается лукаво и милостиво императрица Екатерина II, сурово смотрит граф Разумовский, презрительно щурится любимец царицы — Потемкин.

Блестит навощенный пол, и в нем отражается тяжелая позолоченная мебель. Этот купеческий дом занимает Лев Николаевич Перовский. Он недавно приехал из Петербурга, получил место заместителя губернатора и теперь живет здесь мьей.

доме тихо: маленькие Перовские в саду пахнут вишневым клеем, растопившимся на ще, созревающими яблоками и свежестью. На о сада приютилась покосившаяся банька, альше пруд. Наклонился над ним старый едованный каштан, смотрят в воду узорные

лапчатые листья. Вот здесь и играют Перовские! Их четверо: два мальчика и две девочки, но старшая Маша уже уклоняется от игр, зато маленькая Соня увлечена больше всех. Она еще совсем крошка. У нее светлые волосы, розовые щеки. Крохотная, она кажется маленьким шариком в светлом платье с бесчисленными оборочками. Но несмотря на то, что она меньше всех, она не отстает. В руках у нее палка-сабля, как и у всех. Крапива, что растет за баней, не крапива, а злые разбойники: на них надо нападать.

— Бей скорей! Так их! Так! — командует брат, и Соня с прилипшими волосами, с пылающими щеками бросается на крапиву.

Рядом с садом Перовских — сад губернатора Муравьева.

Там живет мальчик, а у него есть коляска и мул. Можно играть и у них. На пруду есть плот, и все вместе они устраивают морские сражения. И во всех играх Соня не отстает от братьев: храбро сражается и на суше, и на воде.

Дома хуже: в доме приходится ходить тихо, сидеть чинно. Отец такой важный, строгий. Средко бывает дома, никогда не наказывает, даже делает подарки, но Соня почему-то не любит с ним говорить: она становится молчаливой, смотрит подозрительно и не смеется. Она все вспоминает: когда говорит отец, то у

часто краснеют глаза, и дрожат тонкие, слегка желтые, как кружева руки.

Старшие дети уже учатся, но Соня еще маленькая, она только играет. Из жизни в городе Пскове запомнилось ей: большой сад, игры в разбойников да один декабрьский день, когда отец привез из Петербурга плотные белые стеариновые свечи для люстры, и свет их дробился и переливался в больших зеркалах.

Скоро и зеркала, и люстру, и всю обстановку пришлось распродать: Перовскому и его брату достались по наследству четыре имения в Крыму, и вот осенью отправились всей семьей из Пскова. Это было в 1858 году. Железных дорог было очень мало (только между Петербургом и Москвой), а от Москвы пришлось ехать на лошадях. Ехали в карете, которая была очень переполнена: кроме взрослых и детей лежали две охотничьи собаки. От подушек, от вещей несло жаром, мелкая пыль оседала плотным слоем и скрипела на зубах. Хотелось пить, хотелось плакать!

Наконец показались острые темнозеленые верхушки пирамидальных тополей, в воздухе зашвистели, защебетали скворцы. Перовские приехали в имение бабушки: Кильбурун.

Здесь Сою уже начали обучать кое-чему и прежде всего танцам и музыке. Но это мало ее интересовало, и так никогда и не научилась она ни петь, ни танцевать.

Рано рассталась она и с игрушками; иные забавы привлекали ее. Посреди двора стояло несколько старых, оставшихся от деда, пушек. Они были разной величины, с какими-то чужими, мудреными названиями. Порох был дешев, и можно было стрелять сколько угодно. Брат был, конечно, командир, он отдавал приказы, а Соня внимательно слушала команду, прикладывала фитиль и ничуть не пугалась, не вздрагивала, не откакивала при выстреле.

Вообще эта маленькая девочка совершенно не знала, что такое страх. Раз мимо конюшни бежала бешеная собака. Брат Сони не заметил ее.

— Берегись! Бешеная! — крикнул кто-то. Брат Сони вбежал в дом, схватил заряженную одностволку и в ту же минуту увидел Соню, идущую навстречу собаке.

— Бешеная! Соня, с дороги! — крикнул не своим голосом брат. Соня совершенно спокойно свернула с дороги шагов на пять и внимательно посмотрела на собаку, пока та пробегала мимо.

Очень рано научилась она плавать и несколько не боялась воды. Но если в душе Сони совершенно не было страха, то зато очень рано пробудились большая любовь и чуткое понимание чужого горя.

В семье Перовских не было тепла и уюта. Отец, придирчивый и грубый, упорно хотел жить широко, давать балы и праздники, бывать при

царском дворе, а его жена, скромная, серьезная Варвара Степановна, не интересовалась этим. Она была незаметна в большом обществе, и это возмущало Перовского. Он говорил ей грубости, не стесняясь присутствием прислуги, посторонних, детей. Особенно тяжелы были часы обеда. Отец был очень прихотлив в кушаньях, очень капризен и требователен. Малейшая ошибка, промах вызвали целую бурю. Среди тишины гремел раздосадованный голос Льва Николаевича. Упреки сыпались на гладко причесанную, низко склоненную над тарелкой голову Варвары Степановны. Соня не спускала глаз с отца. Детский лоб впервые прорезывали морщины, брови плотно сдвигались, и глаза смотрели сурово, и впервые чувство гнева и сознание глубокой несправедливости входили в ее душу.

Отца она начинала сторониться, а мать любила нежно, особенно после таких сцен.

Жизнь в Кильбуруне была прервана самым неожиданным образом: Перовский получил новое назначение заместителя губернатора Петербургской губернии. Теперь зиму жили в Петербурге, а летом уезжали погостить к кому-нибудь или на дачу.

Раз на даче, во время жатвы, лесной сторож сказал:

— Гости сегодня приходили: медведица с медвежатами, не было ружья, только спугнул их.

Брат и Соня так и засыпали его вопросами. Целый вечер они таинственно шептались и обсуждали план охоты: брат возьмет ружье, а Соня большой охотничий нож. Как только медведица будет ранена, Соня подаст нож.

Насилу дождались вечера. Никто не видел, как они прошмыгнули мимо террасы и побежали в лес. Было уже поздно. Чернел лес, белело впереди овсяное поле, сильная роса лежала на траве. Соня не боялась ничего: не беда, что вымокла по пояс. Она храбро шла вперед. Но медведицу не нашли и ни с чем вернулись домой.

Так шло время до двенадцати лет. Зимой шли занятия дома с учительницей, летом — вольная жизнь: игры, прогулки с братьями.

Но вот случилось то, что перевернуло мирную жизнь: в 1866 году раздался выстрел Каракозова.

4 апреля 1866 года, как всегда, царь Александр II прогуливался с собакой в Летнем саду. Небольшая толпа наблюдала прогулку. Царь уже подошел к выходу, готовясь сесть в экипаж, как вдруг от толпы отделился молодой белокурый человек. Это был Каракозов. Он медленно подошел к царю и нацелился из пистолета. Ему помешали, оружие вырвали, а его хотели растерзать на месте. В первую минуту Каракозов страшно испугался не за свою жизнь, а за то, что рухнуло его дело, и царь остался жить. Царь спросил его:

— Почему ты хотел убить меня?

— Ты обещал народу землю и волю и обманул, — отвечал Каракозов.

Его заключили в тюремный замок, его подвергали ужасным пыткам. Жандармы сидели беспрерывно около него и не давали спать. Но несмотря на эти муки, из тюрьмы он написал Александру II: «Если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь вам, что только есть святого, государь, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву!»

Измученного, издерганного пытками Каракозова казнили. За что же стрелял Каракозов в Александра II? Почему он поднял свой пистолет на того, кого в то время называли царем-освободителем?

Триста лет существовало в России крепостное право, при котором царь и его слуги-дворяне владели огромными землями, лугами, лесами, людьми. Тысячи дворян в военных расшитых мундирах командовали армией; другие дворяне с серебряной цепью на шее сидели в судах и, конечно, все дела решали в пользу помещиков.

Жаловаться было некому. Просить защиты не у кого. В своих имениях помещики были маленькими царями: время, имущество, даже жизнь крестьян были в их власти. Крестьяне работали

на господ, не покладая рук, а господа-помещики проигрывали в карты целые деревни, меняли крестьян на собак, отрывали детей от отцов и матерей. За малейшую провинность крестьян секли, ссылали в дальние деревни, а нередко замучивали на смерть.

Но вот настал 1861 год, и крестьянам дали так долгожданную свободу.

Многим казалось, что теперь все пойдет по иному. Падет рабство, рухнет с ним вместе невежество, исчезнет совершенно рабская Россия, в которой были пытки, казни, полное бесправие крестьян и неограниченная власть помещиков.

На самом же деле вольный крестьянин получил в надел земли меньше, чем у него было при крепостном праве. Мало этого: он получил землю худшего качества и за эту землю должен был выплатить и помещикам и правительству деньгами или работой больше, чем стоила данная ему земля.

Интересы помещиков-крепостников были соблюдены, а крестьяне обмануты.

Где же она, воля и земля, о которой столько думали и мечтали?

И тогда начинается целый ряд бунтов и восстаний, которые охватывают целые уезды и подавляются беспощадно правительством.

Однако та часть русского общества, которая действительно думала о благе народа, очень скоро поняла, что это не воля, а обман, подлог.

Софья Львовна
Перовская

Так думал и Каракозов, бывший студент, участник небольшого революционного кружка.

После покушения на Александра II при обыске у него в кармане нашли яд и воззвание «К друзьям рабочим». В нем Каракозов старался объяснить, что царь обманул крестьян, не дал им настоящей воли, а только ухудшил их житье, а скоро снимет и последнюю одежонку. А чтобы избавить народ от всех бед, надо убить царя, так как он является первым помещиком и самым сильным врагом; мелкие же чиновники, помещики не страшны, их можно легко победить — и тогда-то будет настоящая воля. Земля будет принадлежать не лентяям и дармоедам-помещикам, а крестьянам и рабочим!

Вот почему направил Каракозов свой пистолет на Александра II, который был в его глазах не освободитель, а обманщик и враг народа.

Г Л А В А II.

Каракозов не убил царя, но своим выстрелом произвел потрясающее впечатление. Во дворце началась невероятная суматоха: смещения и назначения происходили чуть не ежедневно.

Не удержался на своем посту и Перовский. Пришлось расстаться с казенной квартирой, и для сокращения расходов Варвара Степановна с дочерьми уехала в Кильбурун.

То, что для отца было большим ударом, для Сони оказалось приятной неожиданностью.

Она с радостью оставила Петербург, отца и с удовольствием думала о жизни с матерью.

В Кильбуруне, в библиотеке бабушки, оказалось много хороших книг, на конюшнях — прекрасные лошади, а вокруг — чудесные окрестности.

Летом из Петербурга приезжали на каникулы братья и привозили новые книги, рассказывали много интересного о новой жизни.

А время было действительно интересное: рухнуло, как гнилое дерево, крепостное право, и в России произошел большой сдвиг. Появились новые люди, новая молодежь. Это были не дворянские сынки, которые, владея отцовским состоянием или ожидая его, могли на досуге заниматься наукой, а дети мелких чиновников, военных, лекарей, поповские сыновья, дети крепостных, отцы которых еще недавно гнули спины на барской работе, получали на конюшне сотни розог. У этой молодежи не было родовых имений с парками, со столетними липами; ждать наследства тоже было неоткуда. Приходилось надеяться только на свои руки, на свой ум.

Крепостное право закрывало двери высших школ для всех, кто не был дворянином, а с падением крепостного права огромная толпа желающих учиться хлынула в университеты и шумным потоком заполнила залы и коридоры.

Новая молодежь рвалась серьезно учиться, а потом мечтала идти учить, лечить, защищать в суде тот самый народ, из которого сама вышла. Пробудился огромный интерес к книге, и работы немецких естествоиспытателей читались нарасхват. Вопросы землевладения, положение крестьян и рабочих занимали умы молодежи.

Об этой жажде знаний громко заявили и женщины.

Девушки до той поры в дворянских семьях учились дома или в закрытых учебных заведениях. Больше всего обучали их танцам, музыке, французскому языку. Вернувшись домой, они томились, скучали, расхаживали по пустым залам, читали французские книжки или вышивали тонкими, изнеженными пальцами никому ненужные безделушки.

Зимой, одетые в шелк, кружева, тюль, завитые и напудренные, ездили на балы, вечера, именины.

Крепостные музыканты до изнеможения играли на хорах; слуги разносили сласти и напитки; лакеи дремали в передней, сторожа шубы и капоры, а барышни с уставшими лицами скользили по паркету в то время, как маменьки подыскивали женихов. Потом без разговоров шли замуж за того, кто был богат, чиновен, будь он пьяница, грубиян, картежник, да к тому же стар и плешив.

Новое веяние коснулось и дворянских девушек: они оставляли пальцы с незаконченной вышивкой, сбрасывали воздушные бальные платья, упорно отказывались от выбранных маменьками женихов и стремились учиться, продолжать свое образование, а если родители не позволяли — забирали кое-какие вещи и бежали из родительских домов.

Братья Сони привезли новые книги: Писарева, Добролюбова, Некрасова, Чернышевского.

Со сдвинутыми бровями, с плотно сжатыми губами слушала Соня рассказы, читала книги, и в душе росло и становилось с каждым днем все крепче желание учиться и учиться серьезно. Она решила ехать в Петербург и поступить на первые, только что открытые женские курсы.

Конечно, нечего было и думать, чтобы отец согласился на такой шаг. Но тут на помощь пришла мать. Она достала денег на ученье. Как ни неприятно было Перовскому, Соня все-таки поступила на курсы у Аларчина моста. Все, за что бралась Соня, она делала необыкновенно добросовестно и все доводила до конца. Она серьезно занималась, много работала и познакомилась там с такими же серьезными и работающими девушками, как и сама. Она близко сошлась с сестрами Корниловыми. На эти занятия очень косо смотрел отец и только ждал предлога, чтобы их прекратить. Раз подружки Сони засиделись за занятиями, и мать предложила им пообедать. Пе-

ровский был и без того не в духе, а присутствие Сониных подруг подлило масла в огонь. Их скромные прически, темные платья, их манеры — все не понравилось отцу. Не успела за ними захлопнуться дверь, как он заявил Соне, что подобное знакомство ему крайне неприятно и он требует, чтобы эти девушки никогда не бывали в его доме. Соня была страшно возмущена: она не хотела подчиняться капризу отца, а все-таки это был его дом, и он мог выставлять свои требования. Она избрала другой путь: она сама решила уйти из его дома. Уйти же из дома было далеко не так просто. В то время без согласия отца нельзя было получить отдельно вид на жительство, а жить без этого документа было невозможно: запретила бы полиция. Тогда Соня решила выпросить у отца согласие. Разговор был очень бурный: отец топал ногами, кричал, что не только не даст документа, но не позволит и учиться. Соня же была непреклонна — она решила бежать из родительского дома.

Накануне своего ухода долго стояла она у темного окна, прислонившись разгоревшейся щекой к его холодному стеклу. Навсегда оставляла она светлую девичью комнату, где было так спокойно думать, читать. Бросала сытную беззаботную жизнь. Впереди лежала жизнь суровая, полная лишений, опасностей. Соня заранее предвидела ярость отца, разлуку с братьями и сестрами

Медленно отошла она от окна и прошла по пустым, темным комнатам. Портреты царя и предков смотрели сурово, осуждающе. Подняв высоко свечку, Соня смотрела на них презрительно. Нет! Решение принято! Здесь ей не место! Пусть голод, холод, даже смерть! Только у комнаты матери, где еще мерцал свет, Соня остановилась. Вот кого жаль оставить! Ей, терпеливой и кроткой, прибавит столько слез уход дочери. Положила руку на ручку двери. Скупые, мелкие слезы бегут по щекам, падают на холодную медную ручку. А потом... Бесшумно и решительно прошла комнаты, спустилась по черной лестнице и, не оглядываясь, ушла из дома.

Ее уход привел в ярость отца: он грозил, что вернет дочь через полицию, как живущую без документа, но тут вмешался старший брат и уговорил отца выдать паспорт. А может быть и сам Перовский побоялся публичного скандала, который мог бы повредить ему по службе. В конце концов паспорт Перовский выдал, но потребовал, чтобы Соня не являлась домой. Только украдкой, по черной лестнице прибегала она обнять мать.

Г Л А В А Ш.

В маленьком глухом переулке, на левом берегу Большой Невки¹, живет бедный мастеровой

1967
 3767
 1967

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
 Дома Детской книги
 ДЕТГИЗА

Союз Работящих
 пр. Шленности
 5500

люди. Тесно лепятся маленькие, густонаселенные домишки, и в одном из таких домиков живет мещанка, жена мастерового. Ходит в больших стоптанных мужских сапогах, в полинявшем ситцевом платке, в стареньком платье. Сама таскает воду из Невки, моет полы, но очень чисто содержит свою квартиру, хотя у нее народу бывает много. Приходят по десять, пятнадцать человек. Мужчины в полушубках, в валенках, — женщины, одетые так же просто, как и она сама. При виде хозяйки все приветливо улыбаются, приветливо здороваются с ней, ласково смотрят на нее, а хозяйка иногда ворчит на своих гостей:

— Ноги-то вытирайте! Ишь, как наследили.

Кто в этой мещанке, с потрескавшимися от работы руками, может признать Софью Перовскую? А между тем хозяйка этой квартиры — Соня Перовская или «Захар», как шутливо называют ее товарищи за ее частую воркотню.

Вместе с подругами по курсам, сестрами Корниловыми и с Чайковским основала Перовская маленький товарищеский кружок, который ставил своей целью подготовку студенчества и учащейся молодежи к будущей революционной деятельности. А чтобы быть настоящими опытными работниками, кружковцы решили прежде всего учиться много, упорно, серьезно, а потом уже идти учить других. В кружке читались дельные книги, в которых говорилось о положении

рабочих и крестьян, обсуждалось прочитанное, переводили с немецкого труды Карла Маркса. Не довольствуясь этим, кружковцы решили, что хорошие книги нуждаются в широком распространении. Члены кружка покупали у издателей и авторов лучшие книги по общественным вопросам. Закупали в большом количестве и с большой скидкой сочинения Карла Маркса, Энгельса, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и эти книги давали в руки учащейся молодежи и рабочим. Кроме того кружок издавал книги сам и устраивал книжные склады. Рядом с книгами, дозволенными правительством, кружковцы начали ввозить из-за границы запрещенные книги и посылали свои рукописи для печатания за границу. Царское правительство очень косо смотрело на многие из этих книг, а распространение запрещенных книг считало большим преступлением и строго карало за это.

Члены кружка прекрасно знали, что если полиция узнает об их работе, она немедленно разгромит кружок и арестует участников, поэтому держались настороже. Никакого письменного устава не было, но принимали в кружок с большим разбором и только тех, кому безусловно верили, и только в том случае, если все члены кружка принимали нового товарища единогласно. Таким путем, подобрались люди, которые были готовы идти за начатое дело на каторгу, на

эшафот. Один из очень видных революционеров, Крапоткин, писал: «Я до сих пор горжусь, что был принят в такую семью». И другой: «То были люди. И я счастлив, что знал их!»

Полная искренность царила в кружке, самые лучшие товарищеские отношения связывали всех членов.

Общество быстро росло и решило связаться с рабочими более тесно. Многие кружковцы шли на фабрики, чтобы там распространять книги, вести беседы по общественным вопросам, другие устраивали беседы у рабочих на дому. Чтобы не бросаться в глаза полиции, которая сразу заметила бы в рабочей среде «барина» или «барышню», кружковцы свои костюмы переменили на такие же простые, какие носили рабочие. Из Петербурга члены кружка стали разъезжаться по всем городам России, устраивая повсюду книжные склады. Каждый из кружковцев вел работу среди рабочих, но кроме того занимался и сам. Соня была душой кружка. На ее квартире происходили собрания. На стол ставилась незатейливая еда: черный хлеб, соленые огурцы, колбаса, но вокруг этого стола кипели такие интересные, такие горячие речи. Перовская принимала в них самое живое участие. Делу кружковцев она отдавала всю душу и ясно сознавала важность его. «Мы затеяли большое дело, — говорила она. — Быть может двум поколениям придется лечь на нем,

но сделать его надо!» Рабочих и крестьян она любила по-настоящему, не приписывая им только хорошие, светлые черты, но со всеми их достоинствами и недостатками. Работая в кружке и на фабрике, Перовская настаивала на том, что нужно ехать в деревню, в крестьянскую массу, чтобы ближе подойти к крестьянину, просветить его, показать его собственное бесправие и виновников этого бесправия — царскую власть. В это время уже многие из кружковой молодежи селились среди крестьян небольшими группами, устраивали кузницы, нанимались на полевые работы.

Перовская уехала в город Ставрополь в качестве учительницы.

Г Л А В А IV.

Ей было 20 лет. Она была хороша собой, хотя сразу не бросалась в глаза. Обращал внимание ее большой, чистый лоб, голубовато-серые глаза смотрели серьезно и проницательно, но, когда она улыбалась, все освещалось этой улыбкой и во всем лице проступало что-то бойкое, резвое. Серьезная на деле и в часы занятий, на досуге Перовская умела весело и беззаботно смеяться. Смех ее был так звонок, так искренен, что заражал окружающих. Одевалась она очень просто, совершенно не обращала внимания на свою наружность и единственно чем щеголяла — бело-

снежными воротничками и нарукавничками. Чистоту очень любила и сердилась, если сорили в комнате.

В Ставрополе Перовская занималась на курсах для подготовки сельских учительниц, а после занятий, с книгой в руках, уходила в лес, бродила по берегу реки и нередко оставалась ночевать прямо под открытым небом, на мягком мху. Ставропольские жители очень скоро ее заметили. И действительно она резко отличалась от тамошних жителей: носила короткую юбку, простую темную кофточку, кожаный кушак и сапожки. А ее прогулки по лесу, бесстрашное катание на лодке возбуждали самые нелепые разговоры. Ставропольские кумушки тихонько называли Перовскую «лесной колдуньей», а мещанские парни, наслушавшись этих толков, решили ее подстеречь в лесу и убить. Ученицы Перовской передавали ей эти слухи, уговаривали прекратить прогулки, но Соня весело смеялась в ответ и прогулок не прекращала.

Уже здесь, в Ставрополе, она готовилась к жизни настоящей революционерки: спала на голых досках, ела самую простую пищу, проводила много времени в крестьянских избах. Она взяла несколько уроков оспопрививания и стала ходить по ближним деревням из избы в избу, предлагая свою помощь.

Сначала крестьянки относились к ней недо-

верчиво, прятали своих детей, но Соня так ласково улыбалась детям, так просто говорила с матерями, что быстро таяла их холодность, и ей очень скоро удалось побороть страх перед оспопрививанием. А сама она в это время зорко присматривалась к крестьянской жизни и видела все ее язвы: непосильный труд, полную темноту, всяческие притеснения, видела, что «на место сетей крепостных люди придумали много иных». И, прививая оспу, она вела беседы с крестьянами об их тяжелой жизни, старалась незаметно поколебать веру в царя, как заступника народа, раздавала грамотным книжки революционного содержания, а наиболее сознательным — прокламации. Несмотря на то, что «воля» только обездолила крестьянина, уменьшила и без того скудный клочок земли, которым он владел — в темном, забитом крестьянстве еще крепко держалась вера в «милость» царя.

Крестьянство недоверчиво и холодно прислушивалось к смелым, горячим речам таких людей, как Перовская. Если же удавалось все-таки сломить это недоверие и наладить сближение с народом, полицейская травля срывала эту работу.

Хотя деревня, где жила Перовская, была настоящий «медвежий угол», слухи об ее работе поползли, и скоро испуганные жандармы, как ищейки, засновали всюду, отыскивая преступни-

цу. Перовской пришлось оставить работу, которая пришлась ей по душе, и уехать в Петербург.

Там Перовская снова стала продолжать работу в кружке чайковцев. За это время произошли большие перемены: кружок широко развернул книжное дело, чайковцы глубоко пустили корни по всей России. Начали тайное печатание запрещенных книг, широко поставили работу среди рабочих. В этот кружок, где так умело подбирали людей, все-таки сумел вползти предатель, который открыл все полиции. Многих членов кружка арестовали. В их числе была и Перовская. Но против нее так мало нашлось улик, что ее (за крупную сумму) отпустили на поруки. От нее потребовали немедленного отъезда из Петербурга. Курсы пришлось бросить, бросить и любимую работу в кружке, но Перовская не унывала: не из тех она была людей, чтобы приходить в отчаяние от неудачи, да и кроме того была уверена, что работа ей всегда найдется. Продолжать учительствовать нечего было и думать: ни одна школа не рискнула бы держать «неблагонадежную», какой она теперь считалась. Тогда она решила стать фельдшерницей.

В городе Симферополе (куда уехала Перовская) она устроилась сестрой в городской больнице. Никакие раны, болезни ее не пугали. Совершенно отбросив всякое чувство брезгливости, бодрая, спокойная, крайне терпеливая, с приветливой

улыбкой—она была любимицей больных. Старуха-еврейка, умиравшая от рака в тяжелых мучениях, уверяла, что уже один вид Сони облегчает ее страдания. С особенно труднобольными она нередко проводила бессонные ночи, но на работу приходила такая же бодрая, как всегда. И больные, и врачебный персонал дали о ней самые блестящие отзывы.

А между тем дело чайковцев в Петербурге не только не потухало, а разгоралось все сильнее, и число арестованных было колоссально. В газетах писали об ужасном, злодейском заговоре, который удалось раскрыть полиции. Было привлечено 3800 человек и 193 обвиняемых. Перовскую тоже вызвали в Петербург. Процесс этот известен под именем: «Процесс 193».

Наконец настал день суда. Как же были все удивлены, когда вместо ожидаемых злодеев, ужасных преступников увидели людей, бросивших работу, семью, рискнувших всем ради блага народа. В старых заплесневевших залах суда раздались свободные, смелые речи. Гневом и жаждой справедливой мести звучали они. Сильные стальные бойцы предстали перед обществом—настоящие революционеры. Сильнее и громче всех был голос революционера Мышкина. Он прямо заявил, что требует народного суда, а не суда подлых, торгующих жизнью чиновников. Ему не дали договорить: жандармские кулаки

закрыли ему рот, жандармские кулаки опустились на его голову. Раздался чей-то истерический крик, и началось настоящее избиение. Зала суда на несколько мгновений сделалась местом расправы над безоружными. Но это еще не все. Дальше было еще гнуснее: за свою речь Мышкин получил десять лет каторги и ручные кандалы. Вместе с ним были осуждены еще три товарища, а остальные были обречены на медленное умирание в различных тюрьмах. Перовскую, за недостатком улик, освободили совершенно. Но она мало радовалась полученной свободе. Разве можно жить спокойно на свободе, когда на руках товарищей звенят кандалы, когда другие будут чахнуть за решеткой?!

И вот днем и ночью начинает точить ее одна и та же мысль: надо выручить их. Надо устроить побег.

В это время распался кружок революционной молодежи, но уже возникла революционная партия «Земля и воля». Перовская вступила в нее. Вместе с другими членами партии было решено отбить от полиции четырех осужденных, прежде чем их отправят на каторгу.

Осужденных должны были везти через Харьков. Перовская и ее товарищи усиленно следили за тюрьмой, устроили особые боевые отряды. Но и полиция не дремала: зорко следила за заключенными, особенно же сторожила Мышкина.

Словно предчувствуя, что затевается что-то, жандармы провезли арестованных не обычным порядком, а на товарную станцию. Из Харькова друзья телеграммой сообщили о приезде Мышкина.

Первая попытка освободить осужденных со-
рвалась. Больше всех была огорчена Перовская.

С покрасневшим лицом набросилась она на того, кто сообщил ей о неудаче, осыпала самыми разнообразными упреками и потом ходила злая и расстроенная.

Но на этой попытке не остановились.

Решено было ехать в Харьков и там устроить побег.

Г Л А В А V.

В Харькове, в тихоньком, маленьком переулочке, где буйно растет бурьян и пышно распустилась противно пахнувшая бузина, где редки прохожие, а еще реже приезжие, вдруг появился приезжий землемер. Человек он молодой, тихий, но редко сидит дома. Кто его знает, какие у него дела? В то же время прибыли в город помещик со слугой и конторщиком да барыня со служанкой.

Помещик купил лошадь и повозку (по-местному: «бричку»). Вот с этими-то людьми и встречается землемер. Вся эта компания хотя и выглядит очень мирно и мирно живет, но в сундуке хранит оружие, седла, платье для

переодевания, карты Харькова и его окрестностей. Затевают они рискованное, трудное дело: вырвать из когтей полиции своих осужденных товарищей.

Не выдержала Перовская и приехала сюда под видом барыни, чтобы быть поближе к делу. Ее присутствие было очень полезно: ей удалось наладить правильную связь с тюрьмой, провести тщательную слежку за путем следования, узнать точно день прибытия арестованных.

Ночь накануне прибытия прошла тревожно: почти никто из заговорщиков не спал. На рассвете было серо, пасмурно. Прошел дождь, и жирная грязь сумрачно поблескивала. Четверо переодетых революционеров с кинжалами и револьверами сели в бричку. Из города выехали спокойно. Впереди черными грязными лентами лежали две дороги, по которым могли провезти узников.

Решили ехать по той, по которой обычно возили арестованных политических. Шли минуты, часы томительного ожидания, но дорога была пуста. Изредка проезжали помещичьи повозки, да мирным шагом прошли солдаты.

Прождав напрасно, вернулись ни с чем в город и тут узнали, что арестованных провезли другой дорогой. К счастью, четвертого, Войнаральского, не успели еще отправить.

На другой же день бричка выехала снова.

Теперь все было в порядке: за тюрьмой следили двое, путь был точно указан, но случилась новая беда!

Когда бричка поравнялась с повозкой, где между двумя жандармами сидел Войнаральский, один из революционеров выстрелил в жандарма. Испуганные лошади помчались как бешеные. Стрелять вторично при такой скачке было опасно: можно было убить Войнаральского, поэтому выстрелили в лошадей. Раненые и перепуганные лошади мчались во весь опор. В поле косари, защищая глаза от поднявшегося солнца, побросав косы, с удивлением смотрели на дикую скачку и с испугом прислушивались к выстрелам. Друзья кричали Войнаральскому: «Выскакивай!», «Бросайся!» И не понимали, почему он сидит неподвижно. Но он не мог вырваться на свободу, которая была так близка: звено его кандалов жандарм пригвоздил саблей ко дну повозки.

Уже забелела колокольня ближнего села, показались постройки, и погоню пришлось оставить.

Когда вернулась пустая бричка — Перовская была вне себя. Сдержанная днем, по ночам она рыдала, уткнувшись в подушку.

После неудачи товарищи Перовской оставили Харьков, но она оставалась, словно ждала еще чего-то. Когда же увидела, что сделать ничего нельзя — уехала в Крым к матери.

Г Л А В А VI.

Уйдя из дому, Перовская не порывала связи с матерью: даже среди работы не забывала она написать ей, послать какую-нибудь посылку. Она любила мать преданно и нежно. Не успела Соня приехать в Крым, не успела наговориться с матерью, может быть не развязала даже еще своих вещей, как уже утром появился пристав и увез ее в полицейское управление.

Всех, кто был замешан в процессе 193, правительство решило не оставлять на воле, а потихоньку в разных местах арестовывать и препровождать куда-нибудь подальше. Так очередь дошла и до Сони. В полиции ее ожидало распоряжение о ссылке в холодную северную Олонецкую губернию. Спокойно выслушала все это Перовская: не дрогнула на лице ни одна черточка, а в голове быстро мелькнуло: «убегу». Вот и готово все: тощенький потертый чемоданчик, где немного белья, кошелек, в котором немного денег, несколько теплых слов матери да много горячих слез, которые капаят на лицо Сони, на ее гладко причесанную голову, на руки. А потом: опять дорога и рядом два верных спутника, два рослых жандарма. Снова мелькают поля, будки, перелески, все та же дорога, которую проделала только что она свободной, а теперь поневоле.

«Бежать! Бежать!» Стучат колеса, и несколько раз выпадал удобный случай, но жандармы попались такие неопытные, простые, так хорошо относились к ней, что она не решалась подвести их под суровое наказание. Наконец, почти под Петербургом попались «настоящие», грубые, жестокие. Таких жалеть нечего. Им пришлось в голову сократить путь, миновать Петербург и проехать до места пароходом. Поздно вечером приехали на станцию Волховскую. Парохода надо было ждать до утра. Заняли дамскую комнату и расположились на ночлег. У стены стоял диванчик, над ним — большое расписание поездов, а напротив окно, выходящее на платформу. Соня, как только вошла, сейчас же пробежала глазами расписание и увидела, когда идет поезд из Москвы. Ее устроили на диване. Один из телохранителей сел на стул, а другой лег поперек двери. Закрыв глаза, она притворилась спящей, сама же осторожно поглядывала на своих сторожей. Сначала они во все глаза следили за ней, потом усталость взяла свое, они начали подремывать, хотя еще вздрагивали при каждом звонке, а потом мирно захрапели. А Перовская лежала с открытыми глазами и ловила каждый звук. Вдруг послышался шум — подходил скорый из Москвы. Тогда легко и бесшумно соскочила она с дивана, перешагнула через спящего жандарма и вышла на платформу.

Среди толкотни и станционной суматохи никто не обратил на нее внимания. Спокойно вошла она в поезд, легла под лавку и «зайцем» доехала до ближайшей станции. А потом прикинулась бестолковой бабой, которая никогда в жизни не ездила по «чугунке». Она была так естественна, так действительно походила на растерявшуюся бабу, что публика хохотала, а кондуктор без разговора выдал ей билет. Этого только ей и надо было. Не доезжая одной остановки до Петербурга, она сошла, пешком уже пришла в столицу и со смехом рассказала свое приключение друзьям. Ее встретили очень радостно, но недолго пробыла она с ними. Одна и та же мысль не давала ей покоя: мысль о заключенных. Неудачи с освобождением Мышкина и его товарищей не сломили ее, а, наоборот, сильнее разожгли желание устроить побег, и она снова уехала в Харьков.

Перовская думала о большом деле: об освобождении целой группы заключенных. Сразу по приезде она окунулась в большую работу: налаживала связь с заключенными, устраивала наблюдения за тюрьмой, всеми силами старалась улучшить жизнь узников. То она покупает и передает книги, провизию, теплые вещи и, прежде чем купить, обегает все магазины, стараясь достать самое лучшее, самое теплое, самое прочное. Неутомимая, бодрая, она находит еще вре-

мя посещать акушерские курсы и кончает их с отличием, а кроме того ведет обширную работу среди молодежи. Все свои силы, всю энергию отдает Соня делу. Для себя лично нет ни одной минуты. Весь день был у нее рассчитан, распределен, и, любя людей, общество, она все же отказалась от него. Выполнив одно дело, Перовская бежала на другой конец города выполнять другое и даже по дороге нередко обдумывала свои дела. Не смотря на такой упорный труд, на всю энергию, с какой она взялась за работу, дело освобождения должно было рухнуть: Петербург посылал деньги, но не давал людей. Их не хватало,—они убывали, и Соня сама ясно видела, что без поддержки центра сделать ничего нельзя. В конце 1878 года она вернулась в Петербург.

Г Л А В А VII.

Тяжелые дни переживала Россия: приговоры судов по политическим делам были беспощадны. Ссылки на 6—10—12 лет на каторжные работы щедро сыпались на тех, кто хоть каким-либо образом был причастен к революционному движению. Те, кого даже оправдал суд, не могли быть спокойны: их сослали потом в Сибирь, где поджидала их медленная голодная смерть. Центральные тюрьмы были переполнены. Тиф свил в них прочное гнездо, а кого он пощадил,

те вели самое беспросветное существование. Осужденные спали нередко на голых досках, еле прикрытых тонким войлоком. Окна камер были густо замазаны до половины черной краской, и зловещий сумрак царил в камерах. Чтобы рассеяться, один из заключенных начал декламировать стихи, и сейчас же послышался окрик: «Как ты смеешь? Здесь должна быть полная тишина!» Другой заключенный, услышав пение, стал сам напевать: «Разве ты забыл, кто ты такой? Вот я тебе напомним!»—закричал надзиратель и ударил его кулаком. Ни книг, ни занятий не разрешали. Прогулки были через день и то на четверть часа. Когда один из заключенных сделал себе из хлеба кубики, желая повторить геометрию, кубики сейчас же отобрали. Когда же истощалось терпение, заключенные устраивали голодовки, и тогда обессиленных в полубомрачном состоянии людей кормили насильно. Ко всему этому надо прибавить брань и побои тюремщиков. И все-таки «тюрьма не кладбище», и даже через эти стены на волю долетали проклятия тех, кого держали в этих застенках. Многие вместо тюрьмы предпочитали смерть и оказывали вооруженное сопротивление при арестах. Так, в Одессе Ковальский встретил жандармов выстрелом из револьвера. Александр II объявил всю Россию на осадном положении. Тугая петля стягивала шеи революционеров, не разбирая правых

и виновных. Она захлестнулась на шее девятнадцатилетнего Розовского только за то, что он расклеивал прокламации на вокзале. Казалось, что чудовищная петля затягивает всю Россию.

Вот в эти-то минуты, как протест, раздался боевой клич некоторых революционеров: «Надо защищаться! Надо уничтожать мучителей, шпионов, подлых царских слуг!»

Работать в народе становилось совершенно невозможно: как только начиналась работа, полиция являлась и хватала. В партии «Земля и воля» возникла мысль на время оставить мирную пропаганду и начать беспощадную борьбу с врагом: смертью ответить на бесчисленные смерти. Но не все члены партии одинаково отозвались на этот клич; некоторые так твердо верили в работу среди крестьян и рабочих, что не хотели вступать на путь беспощадной борьбы—террора. И тогда произошло очень важное событие: партия «Земля и воля» раскололась на две группы: «Народная воля» и «Черный передел». Первая стояла за беспощадную войну с правительством, за террор, другая—за продолжение пропаганды. Вот в разгар этой-то борьбы и приехала в Петербург Перовская. Она любила ту работу, которую вела в деревне, но то, что делалось кругом, звало к протесту, к борьбе, и прежде чем стать на ту или другую сторону, она много

передумала. Жизнь на каждом шагу показывала такие подлости и жесткости со стороны правительства, что она не выдержала и твердо стала на путь террора. Ее вступление в партию «Народной воли» было встречено с искренней радостью.

У Перовской был большой, светлый ум. Она прекрасно разбиралась во всех вопросах, касающихся партии, но мало этого, она умела своей верой зажигать, заражать других. Этим объясняется ее огромный успех в различных кружках молодежи. Еще с детства лишенная чувства страха, она теперь первая просилась на самые рискованные посты. В любую минуту она была готова отдать свою жизнь за общее благо, и это действовало заразительно. Тот, на кого смотрела Перовская своими серьезными, внимательными глазами и звала с собой в опасное дело, не мог ей отказать. На бесчисленные аресты, побои, казни революционеры ответили целым рядом покушений, но они ясно сознавали, что надо начинать с господина, а не со слуг, исполняющих его волю.

Наконец летом 1879 г. в окрестностях Петербурга, в Лесном, под открытым небом группа революционеров вынесла смертный приговор Александру II и как бы объявила Зимний дворец на осадном положении. С этого момента вплоть до 1881 года идет напряженная работа

по устройству ряда покушений. Жизнь многих революционеров подвергается риску, но они не останавливаются до тех пор, пока наконец бомба сразила того, кто обманул ожидания многомиллионного крестьянства и так сурово и беспощадно расправлялся с теми, кто осмеливался сказать свободное слово.

Народовольцы были глубоко убеждены, что с помощью террора, единичных убийств им удастся свергнуть царя и принудить правительство пойти на большие уступки или даже поднять массы на революцию. Но убийство царя не убило царизма. Вместо Александра II сел на трон Александр III. Народное восстание, на которое рассчитывали революционеры, не вспыхнуло.

Забитое крестьянство не готово было к революции, а рабочий класс—будущий руководитель революции—еще только начинал организовываться. Партия народовольцев понесла огромные потери и принуждена была прекратить свою деятельность. Террор, единичные убийства не могли привести к революции, но это поняли многие революционеры только позже; в момент же подготовки к убийству царя—никто из них не думал об этом.

Во всех покушениях на жизнь Александра II имя Перовской занимает одно из первых мест.

Г Л А В А VIII.

На окраине Москвы, за Курским вокзалом, находятся Преображенская и Рогожская части. Тихое это было место. Мало похожее на Москву, оно скорее напоминает какой-нибудь провинциальный городок. Не долетает сюда городской шум, не шелкают по камням извозчицьи пролетки; даже звон московских церквей глухо доносится сюда. Здесь люди живут тихие, степенные, осторожные и даже боязливые — живут тут староверы. Крепко хранят они свои старые обычаи: не пьют, не курят, мало говорят и очень не любят полиции. В это тихое место приехали новые люди — муж и жена. Наняли ветхий домик с мезонином. Соседи усиленно присматривались к ним, но плохого ничего не заметили. Люди, как видно, хорошие — тоже не пьют, не курят. Одно чудно: живут двое, а молодая хозяйка так много закупает съестного, что надо только удивляться, как они прожорливы. И еще странно: каждый вечер, когда уже люди добрые спят, приезжают к ним гости на извозчиках. Но здешние жители не болтливы, а тем более не станут разговаривать с полицией.

Из этого домика велся подкоп под полотно Московско-Курской железной дороги, по которой должен был пройти царский поезд из Крыма. Это была тяжелая работа, требующая огромных

сил и напряжения. Домик находился довольно далеко от насыпи, пришлось делать очень большой подкоп и работать с самыми простыми инструментами. В это время, как нарочно, лили дожди, вода стояла чуть не по колена, и не было одежды, предохраняющей от сырости. Каждую минуту и дело и жизнь заговорщиков висели на волоске. Хозяйкой домика была Перовская. Днем на глазах соседей она была хорошей хозяйкой, ласковой и немного глуповатой бабенкой. Жили с мужем тихо, смиренно под фамилией Сухоруковых. Как-то раз явился к Сухоруковым купец по делу о доме. Перовская прикинулась такой бестолковой бабой, что купец сказал раз, два и наконец, видя, что ей ничего не втолкуешь, заявил, что придет другой раз, когда дома будет муж. Этого только Перовской и нужно было. Впустить в дом купца было совершенно невозможно: все участники находились на месте работы. Земля, инструменты, взрывчатые вещества, динамит были налицо. Во время разговора с купцом те, для кого покупалась такая уйма провизии, сидели за перегородкой и прямо-таки задыхались от сдерживаемого смеха.

Не раз находчивость и хладнокровие Перовской отвращали беду. Однажды случился поблизости пожар. Соседи стали выбираться. Явился кое-кто помочь выбраться и Сухоруковым. Как остановить доброе намерение, чтобы не возбу-

дить подозрений? Опять она спасает все. Быстро схватив со стены икону, выбежала она во двор и стала в дверях. Того, кто пытался войти в дом, она останавливала: «Бо^жья воля! Не трогайте! Одна молитва спасет!» Итти против «воли божьей» никто не рискнул, а пожар вместе с тем стих. Вообще каждый день участники подкопа ходили над пропастью, вечно чувствовали дыхание смерти. Самый пустяковый обыск разрушил бы все, и поэтому они постановили не даваться живыми в руки полиции и при малейшей попытке полиции пробраться в дом, взорвать все на воздух. Сделать это было поручено именно Перовской. У пояса своей темной блузки носила она револьвер, из которого при первой тревоге должна была выстрелить в бутылку с нитроглицерином. И хотя бутылка стояла в углу и каждая минута таила опасность, в домике не было подавленного настроения. Бодро кипела работа, быстро подвигался подкоп, а часы обеда и отдыха сопровождались смехом, шутками. Чаще всех звенел колокольчиком смех Перовской. Если бы кто их видел со стороны, то подумал бы, что здесь товарищеская пирушка, а не большой заговор, который потом поразил всю Россию.

Стрелять из револьвера не пришлось: подкоп закончился вполне благополучно. И опять-таки Перовской было дано ответственное поручение: дать сигнал. Все уже оставили домик, она оста-

лась с Ширяевым и радостно заявила ему, что счастлива тем, что именно ей выпала честь исполнить это поручение. Сигнал был дан вовремя, но царский поезд не пострадал. У Перовской достало духу, несмотря на неудачу, пойти на место взрыва, вмешаться в толпу, чтобы узнать все подробности. Только вечером она уехала в Петербург, причем в поезде встретила с тем самым купцом, который от нее не добился толка. На ее счастье, он был так заинтересован разговорами о взрыве, что не обратил на нее никакого внимания.

Г Л А В А IX.

Прошло уже два года с тех пор, как летом в Лесном Александру II был вынесен смертный приговор народовольцами. Аресты, ссылки, казни продолжались. Уже 21 человека задушила петля. Правда, покушения на жизнь царя тоже продолжались. Их было еще несколько, но самым смелым, даже дерзким по замыслу был взрыв в Зимнем дворце, устроенный Степаном Халтуриным. Он стоял во главе Рабочего союза, был прекрасным работником. Пользуясь тем, что слыл за хорошего искусного лакировщика, он пробрался во дворец на столярную работу, вошел в доверие и завоевал его так прочно, что даже тень подозрения не падала на него. Каждый день Халтурин проносил динамит

и складывал его в железный сундучок. Когда же там набралось порядочное количество динамита, Желябов, испытанный революционер, участник многих покушений, стал торопить его, боясь обысков. В день взрыва Зимний дворец ожидал гостей, и в столовой на белоснежных скатертях уже сверкал хрусталь, стояли цветы и фрукты. А внизу, в полуподвальном этаже, у капитальной стены — небольшой сундучок с динамитом. В тот час, когда гости должны были прибыть, Халтурин зажег фитиль и вышел из дворца. Но царь не пришел в минуту взрыва, столовая была пуста, пострадала комната под столовой, там погибло 10 человек и 53 было ранено. Царь был жив и невредим. В начале 1881 года партия «Народная воля» опять начала готовиться к покушению, решив употребить все силы, но добиться своего. План был тщательно обдуман и разработан до мелочей. Он состоял из трех моментов. Прежде всего — подкоп. Если не выйдет — несколько метальщиков бросят бомбы и, наконец, в случае неудачи пустят в ход кинжал. Во главе заговора стояли Желябов и Перовская. За царем началась усиленная слежка.

Серо-голубые глаза Перовской следили за каждым его шагом, и многое ей было уже известно. Она узнала, что царь по воскресеньям ездит в манеж и хотя ездит по разным улицам, но все-таки проезжает или по Набережной или по Ма-

чены, мина не заложена. Следующего проезда нужно было ожидать только через продолжительное время, и Исполнительный комитет партии стал торопить организаторов дела. Тогда наметили и день покушения: первые числа марта. Но вдруг вечером 27 февраля на квартире революционера полиция арестовала Желябова. Когда об этом узнала Перовская, это страшно потрясло ее.

Как! Значит, рушится все? Значит, бесполезны все жертвы, все попытки? Значит, неотомщенными останутся казненные товарищи? И нет пути к тому светлому будущему, которое рисовалось ей после убийства царя!

Желябов, который стоял во главе заговора, — сам в руках полиции! Что делать? Перовская, всегда сдержанная и спокойная, металась по комнате одного товарища. Глаза сверкали; мысли, как вспугнутые выстрелом птицы, носились в ее мозгу, и тут же, в этой комнате, созрело твердое решение: теперь убийство царя должна взять она на себя. В субботу 28 февраля собралось экстренное совещание Комитета. Были на нем Фигнер, Перовская, Суханов, Фроленко, Лебедева. Взволнованные, потрясенные, они решили: «Никаких промедлений! Действовать как можно скорей! День покушения — 1 марта. Завтра, во что бы то ни стало! Мину заложить, а если не поедет другой дорогой — действовать о бомбами».

Около 3 часов дня началась торопливая, лихорадочная работа. Мину заложили, но снаряды для метальщиков не были готовы. Три человека пришли на квартиру Фигнер и принялись за эту работу. То были: Суханов, Кибальчич и Грачев. С ними все время была и Перовская. Всю ночь горели лампы, всю ночь пылал камин, и во всех приготовлениях помогала Перовская. Только тогда, когда зеленоватый рассвет заглянул в окна и осветил серые лица, она задремала на диванчике на самый короткий срок. Уже в 7 часов утра она встала, забрала два готовых снаряда и ушла. К 10 часам явились четыре метальщика, и она подробно рассказала места, где должны стоять и куда должны притти после проезда.

Воскресенье первого марта день был весенний: небо чистое, солнце светило, весна смеялась, и плакали сосульки. Народу на улицах было порядочно. Царь две недели не выезжал в манеж, но 1 марта решил выехать. Из дворца уехал, как всегда, около часу. После военных упражнений царь заехал в Михайловский дворец, а уже оттуда было ясно видно, что обратно он поедет не по Садовой, а по Екатерининскому каналу. Опять все рушилось. День 1 марта мог провалиться. Но дело спасла Перовская. Ее самоотверженное участие здесь проявилось во всей силе. Она поняла, каков будет обратный путь, обогнала метальщиков, и белый платок, который

она вынимала подходя, показывал им их новые места. А потом, сделав это, она перешла на другую сторону канала и стала ждать. Ждать пришлось недолго. В эту минуту набережная была почти пуста. Царская карета приближалась довольно быстро. Шесть верховых сопровождали ее, а сзади в санях ехали военные. Навстречу карете шел молодой человек в драповом пальто, в теплой шапке. В руках в белой салфетке он нес сверток. Мальчик из мясной проходил дорогу и, увидев с гербами карету, отдал честь. Все было тихо, мирно, обычно.

Вдруг мелькнул белый сверток, упал на мостовую, и раздался взрыв. Дым закрыл ясный весенний день, а когда дым рассеялся, то карета оказалась целой, а на мостовой шевелился еще окровавленный комок — мальчик из мясной. Опомнившиеся солдаты и сыщики кинулись к молодому человеку в драповом пальто и схватили его. То был Рысаков. Собравшаяся около кареты свита уговаривала царя немедленно ехать во дворец. Желание ли показать свою храбрость, а может быть любопытство взглянуть на того, кто осмелился покушаться на его жизнь, заставили Александра подойти к Рысакову. Кто-то из свиты справился о царском здоровье.

— Слава богу, я остался жив!

— Слава ли еще богу... — успел ответить Рысаков. И в тот момент, когда царь подошел

к месту взрыва, другой метальщик бросил бомбу, и новый взрыв опять потрясе площадь. Снег, дым, клочья платья закружились в бешеном вихре, и когда он утих, на набережной, прислонившись спиной к решетке канала, подусидел царь с раздробленными ногами. Кровь бежала

Подсудимые на суде. (Зарисовка очевидца.)

с них, кровь стекала с лица. И тут же в снегу, вниз лицом, лежал второй метальщик.

Два взрыва потрясли всю столицу. Поднялось страшное смятение. Быстро понеслись слухи о скором восстании, и на улицах появились войска.

А Перовская? Через два часа состоялось экстренное собрание Комитета, и она пришла на него серьезная и спокойная. Решено было разъяснить народу убийство царя, и тут же были

составлены прокламации. Присутствующие были очень взволнованы, некоторые плакали от радости, думая, что исчез кошмар многих лет, и теперь начнется новая жизнь. Кроме прокламации Комитет написал письмо Александру III, где выставил требования: освобождение политических преступников и созыв народных представителей, которые решат, какое правление будет в России.

На это письмо Александр III ответил сразу арестами и обысками. Все дворники были превращены в шпионов, полиция металась по городу, и тревожные звонки пугали всех. В эту минуту, когда все обыватели дрожали как осиновые листья, главная виновница событий 1 марта 1881 г. была далека от страха. Ее уговаривали уехать за границу, брались устроить побег, но она упрямо качала головой и только твердила: «Нет, я не могу оставить Петербург в такую минуту».

Она думала не о себе: о схваченных товарищах. Их судьба волновала Перовскую больше всего. Встречая знакомых, она расспрашивала, узнавала подробности. Вести приходили тяжелые. Всем замешанным в цареубийстве грозила смерть. Ни о каком помиловании не может быть и речи. «Они» знают, что их ждет, и держат себя бодро и спокойно. Только один, жалко цепляясь за жизнь, выдает всех—Рысаков.

Тогда она мечтает об устройстве побега, хочет при помощи рабочих отбить их в тот момент,

когда повезут на казнь. Так думала Перовская. А между тем ее дни на свободе были сочтены.

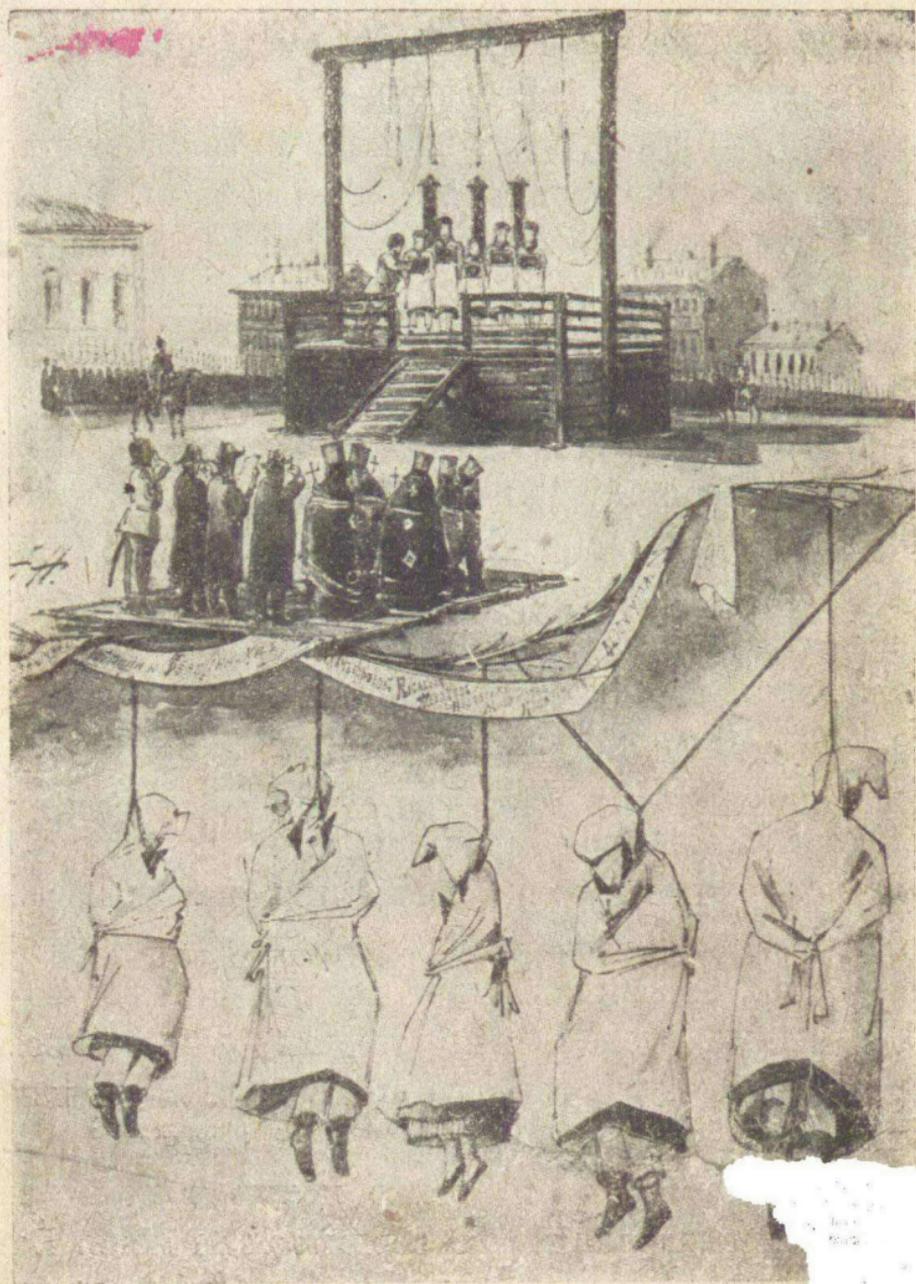
Ее арестовали десятого марта на Невском проспекте. Хозяйка лавочки, где покупала Перовская продукты, узнала ее, показала приставу, и он схватил ее на улице за руки. Думали, что Перовская окажет сопротивление. Но она спокойно отправилась в тюрьму и так же спокойно пошла на суд.

Простая и скромная предстала она на суде. Искренне и серьезно говорила о своей работе и только просила об одном: не отделять ее, как женщину, от товарищей по делу и подвергнуть тому же наказанию.

По странной случайности прокурором по ее делу выступал Муравьев, тот самый, который мальчиком играл вместе с ней в разбойники, ездил на плоту, сражался с крапивой. Но прежний товарищ игр был беспощаден к Перовской. Он обрушивал на нее самые невероятные обвинения, говорил об ее жестокости и бессердечии. Она не протестовала. Только когда говорили о партии всякие небылицы, Перовская возмущалась и закипала гневом. Было ясно всем, что суд идет так, для формы, а приговор давно известен.

Из Симферополя вызванная телеграммой приехала мать.

Первые минуты встречи были отравлены. В комнате они были не одни: два жандарма сидели

Казнь первомайцев. (Зарисовки очевидца.)

так близко, что почти касались колен. Жадно ловили каждое слово и нагло смотрели в лицо. По молчаливому согласию и мать и дочь прекратили это тяжелое свидание. Мать приходила потом часто и просиживала долгие часы. Перовская мало говорила в эти минуты. «Как больное дитя, лежала она на коленях у матери, целуя ее руки».

Накануне приговора, уже зная его заранее, она писала матери: «Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все давит и мучает мысль, что с тобой? Дорогая моя! Успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих тебя и ради меня тоже! Я о своей участи ни сколько не горюю; совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала, что рано или поздно, а так будет. И правда же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии. Поэтому со спокойной совестью ожидаю все предстоящее мне. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить!

Я очень крепко и крепко целую твои ручки на коленях умоляю не сердиться на меня. Вот письмо к тебе, дорогая мамуля! Купи мне водичку и рукавчики, а то для суда надо хоть что-нибудь подправить свой костюм: тут он очень

расстроился. До свидания же, моя дорогая! 22 марта. Твоя Соня».

Так писала Перовская перед приговором, не надеясь больше увидеть мать. После суда ей действительно не разрешили свидания. Прошли шесть жутких дней. Почему ей не разрешали свидания? Что делалось в эти дни? Никто не знает. Ходили слухи, что осужденных пытали.

Мать ее все-таки увидела. Это было в день казни третьего апреля. Накануне Перовская легла рано; ей не спалось всю ночь. Осужденных разбудили на рассвете. Когда вывели во двор, чтобы везти на казнь, она запаталась и побоянела. Михайлов крикнул ей: «Что ты, Соня?» пришла в себя. Последний путь осужденные совершили в отвратительных колесницах с высокими скамьями. Веревками им прикрутили руки и туловища к сиденью. Когда очередь дошла до Перовской и ей туго затянули руки, она уронила: «Мне больно, отпустите немного». «После будет еще больнее», — крикнул присутствующий при посадке жандармский офицер.

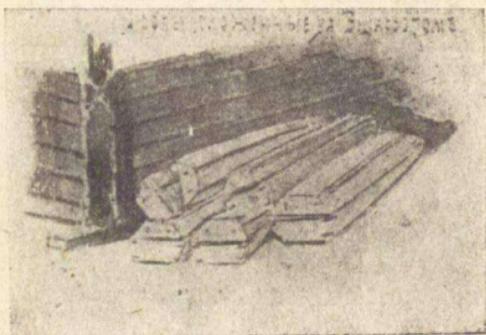
В черном платье, в черной шинели, с безобразным капором, с судоской на груди, на которой четко написано: «Цареубийца», на высокой скамье, со скрученными назад руками, выехала Перовская из ворот тюрьмы. И так увидела ее в последний раз мать. Глаза Перовской блуждали по толпе, но узнала ли она мать — никто не знает.

На тряских колесницах, покачиваясь из стороны в сторону, совершала она свой последний путь, и солнце золотило его. Солнце играло на черных повозках, на новом эшафоте, даже на виселицах, которые уродливо чернели на Семеновском плацу. На плацу, в ожидании казни, она была спокойна. После приговора обнялась с товарищами, но и тут осталась верна себе: изменника Рысаква не обняла. А потом: смолкла толпа, затрещал барабан, и палач накиннул саван.

Так не стало Перовской. Ей было 27 лет. Свою молодость, силу, свою жизнь она отдала за благо родины.

Историческая фотография

3374

5538

Центральная библиотека
 Отдела
 Коневников

Историческая фотография
 Библиотека
 Отдела
 Коневников
 Москва

